

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Павел Михель

Мир, который не вернуть Том 1: Начало

Павел Михель

**Мир, который не
вернуть. Том 1: Начало**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Михель П. О.

Мир, который не вернуть. Том 1: Начало / П. О. Михель —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Главный герой - подросток, который резко оказывается брошен в опасный новый мир. Пройдите сквозь жестокую реальность вместе с главным героем. Прочувствуйте то же, что чувствует он, пытаясь просто выжить, когда не знаешь кто будет другом, а где прячется враг. Содержит нецензурную брань.

© Михель П. О., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Начало. Часть 1.	6
Начало. Часть 2.	10
Начало. Часть 3.	15
День 4.	18
День 7.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Павел Михель
Мир, который не вернуть. Том 1: Начало
Посвящаю всему человеческому роду.

Начало. Часть 1.

«Я никогда раньше не писал дневники. Считал, что это занятие для девчонок. Но сейчас я хочу поделиться историей своей жизни. Меня зовут Костя и люди уничтожили себя. Добро пожаловать. Но лучше начать по порядку. Всё началось...»

* * *

Каждое моё будничное утро начиналось со звонка будильника. И каждый раз я тяжело вставал с мыслью об ещё одном дне в школе, куда мне ходить совсем не нравилось. Но всё же есть что-то хорошее в том, чтобы ложиться спать и просыпаться. Ты как будто совершаешь маленькое путешествие во времени: ещё мгновение назад до школы было много часов, а сейчас – меньше часа.

– Костечка, вставай, а то снова опоздаешь. Завтрак уже на столе. Иди умойся, – мама вставала каждый день рано утром и готовила завтрак. Не знаю, как ей это удаётся.

– Да-да, я уже встал... – простонал я, вставая с кровати. Холодный воздух окутал ноги – для отопления ещё рано, но уже хотелось.

За окном всё ещё было темно, но уже прояснялось. Скоро зима – утро будет наступать ещё позже. Это удручает.

На стуле возле стола лежали шорты и я надел их по привычке, но когда заметил – не стал снимать. После этого пошёл в ванную.

Прохладная вода помогает прийти в чувство после сна и настроится на рабочий лад. Но от тёмных синяков под глазами она не спасает. Наверное, не стоит засиживаться за компьютером допоздна каждый день, но это уже своеобразная традиция. Да и мне эти синяки даже нравятся – что-то вроде изюминки.

Я завидовал брату, который не вставал так рано – он мог спать больше. Ему вечно, как отличнику, делают разные поблажки – университет не стал исключением. Бабушка и вовсе своё отработала.

На кухне меня уже ждал завтрак.

– Сегодня у нас на завтрак блинчики? – сказал я при входе в кухню. Мне нравилось, как мама их делает. У бабушки не получалось так.

– Твои любимые, – улыбнулась мама. Она была одета в свой синий махровый халат, а длинные волосы до плеч уже были аккуратно уложены. Не сказал бы, что моя мама до сих пор была красоткой, но в молодости была очень красивой. Особенно её светлые волосы и зелёные глаза, что мне нравились всё детство. – Садись быстрее и завтракай. Сейчас я тебе молока налью.

"Утро начинается неплохо. Может и день хорошо пройдёт" – я даже улыбнулся из-за этой мысли.

– Чего улыбаешься? – спросила мама, остановившись в коридоре.

– Да так, – замялся я.

– Кушай-кушай, – быстро проговорила мама и пошла в ванную.

Дожевав блинчики и оставив пустой кружку с молоком, я оставил посуду в умывальнике и пошёл собираться.

Пришлось немного потрудиться, чтобы найти рубашку. Как обычно, я её положил на кровать, а за ночь она исчезла. Как это происходит? Я не знаю. В итоге, она оказалась в шкафу. Скорее всего, вечером мама незаметно убрала.

Когда занят делом – время бежит незаметно: так я сейчас, казалось несколько секунд прошло, но собрался за двадцать минут.

Я напоследок посмотрел в зеркало, поправил жёлтую рубашку, которая торчала из-под жилетки. Люблю, когда рубашка не заправлена, однако, не люблю, когда это сделано не аккуратно.

Я вышел из комнаты и тут же просто так получил подзатыльник от своего брата, который, как обычно, встал в туалет, а потом шёл и спал ещё. Я посмотрел как захлопывается за ним дверь в туалет. Эх, хотелось бы и я так ходить.

– Всё, я пошёл, – сказал я, застёгивая куртку.

– Удачи! – пожелала мама, проходя мимо. – Опять ты туалет занял! Выходи!

Я вышел из квартиры и пошёл к лестнице.

От моего дома до школы прямой дорогой было около пяти минут пешком. Обычно, я шёл не спеша обходным путём через садик и супермаркет, что занимало почти полчаса. Не очень хотел идти вместе со своими одноклассниками.

Однако сегодня было ощущение, что будет отличный день, и я решил пойти дорогой, по которой не ходил три месяца.

Мне повезло: я дошёл до школы быстрее, чем мои одноклассники, которые меня уже окрикивали, но я сделал вид, будто и не слышал их вовсе. Даже сквозь наушники было слышно их «Костыль!».

Я быстро разделся в гардеробе и посмотрел расписание в телефоне: первым уроком у нас была математика. Вообще, я любил цифры и мне этот предмет давался легко, в отличие от физики или географии. Не понимаю, зачем мне нужно знать нашу планету? Зачем мне изучать её? Разве это вообще хоть когда-нибудь пригодится?

Я знаю, что в этом городе родился и что здесь умру. Я не буду путешественником. Не смогу побывать в других краях. Я знаю свой город и немного окраины. Мне не нужно знать больше о Номире, чем то, что это областной центр. Блин, да я даже знаю сколько здесь людей примерно живёт: около четырёхсот тысяч человек. Знаю большинство супермаркетов в городе и все магазины в своём районе. Знаю главные здания города и могу легко ориентироваться в нём. Мне этого достаточно. Зачем мне знать, что находится в Кантере, например? Пусть это и соседний город, но зачем мне это? Или Остании? А в Грим мне и вовсе никогда не хотелось. Скорее всего, что я там и не буду ни разу за всю жизнь. Общая программа создана для большинства – это очень удручает.

Я пришёл за двадцать минут до начала урока и сел за свою парту, начал слушать музыку. Хорошо, что кабинет был открыт, и не пришлось стоять в коридоре, но учителя всё равно ещё не было. Через несколько минут начали приходить одноклассники. Часто случается, что я прихожу первый. Конечно, мне и самому интересно, почему так рано просыпаюсь, но если делать это позже – тяжелее вставать и болит голова.

Сначала пришли нормальные люди. Они были нормальными, что в общении, что в обучении. Я с ними иногда общался по учёбе. Был среди них и один, вроде моего друга. По крайней мере, я считал его своим другом. Правда, он часто садился с другим человеком и мы в этом году почти не общаемся.

За двадцать минут пришли все мои одноклассники. Среди них была и та, которая мне очень нравилась ещё с начальной школы, но она принадлежала к плохой части класса. Ну, знаете, которые пьют алкоголь, курят и грубо разговаривают (хотя и в поведении всё так же) – которые ведут себя как животные, в общем. Даже удивительно, ведь она была отличницей при всём этом. Она была очень добра и ещё никогда не пыталась меня унижить – при мне, во всяком случае. А вот с добротой и красотой – неудивительно. Многие красивые и добрые девушки попадают не в те компании. Это мне никогда не было понятно, ведь поведение этих "животных" противоречит природе этой самой доброты. Жаль, я не могу ничего сделать и

никак ей показать то, что она мне нравится. Она как будто была за забором, через который проходил высокое напряжение, а на вершине его была колючая проволока такого качества, что сантиметров за двадцать до её самой она уже резала. Вдобавок ко всему, за этим забором были очень злые псы, у которых пена изо рта и красные от ненависти глаза – нормальное состояние.

Погрязнув в своих мыслях, я и не заметил, как начался урок.

За урок не случилось чего-то отличительного. Меня даже не вызвали к доске. Следующим уроком была химия. На этом уроке в меня кинули несколько бумажек с задних парт. Казалось бы, ерунда, но учитель подумала, что мусорю я. Накричала на меня и ещё заставила это всё выбросить.

Мама всегда говорила, что желать кому-то смерти – это плохо. Но с их смерти получил бы удовольствие. Мусору всегда легче живётся, но справедливость когда-нибудь настанет.

После урока, когда я шёл к следующему кабинету – ко мне начали снова приставать.

– Что, Костыль, потерялся? Так иди у папочки спроси, – резким движением один из них – Максим Бурликин – дал мне пощёчину, а девушка рядом хлопнула меня по жопе. После этого они все заржали. – Да у нас тут шлюха объявилась, народ!

Я поспешил в более людное место, где они бы не смогли мне ничего сделать, кроме как обзывать и дальше. Оскорбления – это лучшее из всего, что они со мной делают. Как же я их ненавижу.

Самое обидное – я не могу никому сказать или попросить помощи. Как-то раз я попытался ударить одного из них – на следующий день вызвали к директору, где моя мать умоляла оставить всё это без огласки. Конечно, деньги – это не главная сила мира, но у меня даже не было этого преимущества.

"Боже, за что ты так со мной?" – думал я каждый день. Не было и дня, когда бы я так не думал. Каждый раз, когда меня закапывали в снег и мне было чудовищно холодно. Каждый раз, когда меня избивали лишь из-за того, что я не из их компании... Подумать только, меня били лишь из-за того, что я просто умнее их. Даже за то, что мой отец умер давно.

Странно, но до конца учебного дня они меня не трогали, и вообще почти ничего не происходило особенного. Хотя, когда я был в центральном коридоре на втором этаже – услышал кое-что странное:

"Чередой странных случаев продолжается: в нескольких городах нашей страны обычные люди набрасывались на других и начинали кусать. Очевидцы рассказывают обо всё новых нападениях. Задержанные не приходили в себя и вели себя неадекватно. В данный момент этих людей активно госпитализируют по всей стране. В Номире, напомним, больных госпитализируют, где сейчас исследуются симптомы и способ лечения. Милиция и администрация города не даёт никаких официальных комментариев. К счастью, серьёзных травм ни у кого не было. Среди учёных всё больше набирает оборот версия, что это может быть новое нервное заболевание, но как выявить его – пока никто не знает..." – это было немного странно. Никогда не слышал о таком, чтобы люди просто так кусали других людей. Неужели мир всё больше сходит с ума?

Вскоре эта новость вылетела из головы. Последним уроком была физкультура. Как же я ненавидел этот урок, но и уйти я не мог. Я обещал маме, что больше не буду прогуливать. У неё и так не простая жизнь, не хватало, чтобы она ещё и из-за меня снова переживала. После того, что она пережила когда отец умер – мы с братом решили больше её не подводить.

Я пришёл в раздевалку, когда все уже вышли и быстро переоделся.

На этом уроке в меня кинули мяч всего три раза и два раза я даже смог увернуться. Для кого-то это может быть и ненормально, но я привык к большим истязаниям – действительно хороший день.

Одноклассникам было смешно видеть, как у меня из носа шла кровь, но я уже привык. Им нравилось меня унижать, даже если это приводило к травмам... Когда-нибудь им это всё

действительно воздастся. Попросят они у меня помощи – я помогать не стану. Эти мысли всегда успокаивали.

Когда я понял, что скоро они пойдут переодеваться – я стрелой побежал в раздевалку, переоделся в считанные мгновения и побежал в сторону младших классов. Я всегда там прятался и ждал, когда все уйдут: под лестницей можно было почитать или просто поиграть. Иногда они меня находили, но это было не в этот день.

Прождав около часа и удостоверившись, что их точно нет, я пошёл домой.

Измученный, побитый и униженный, но это был хороший день. Всё могло быть намного хуже. Скажу маме, что упал на физкультуре, когда мы бегали. Я ведь бегал, правда, от мечей, которые в меня кидали мои же собственные товарищи... Ничто так не объединяет людей, как совместная травля. Мы – свои, он – чужой. Мы против него. Он не наш. И всё в этом духе.

Мама снова переживала из-за того, что у меня был побитый вид, но она поверила мне. Я не мог сказать ей правду. Всё стало бы лишь хуже...

Поев, сделав уроки, а так же проведя ещё один вечер и половину ночи в игре – я лёг спать.

Сильно болела голова и нос. Нога ныла от того, что туда больно ударил Максим.

В общем, это был хороший день. Бывали и хуже...

Начало. Часть 2.

Это утро начинало мне не нравится с самого начала.

Я еле встал, потому что вчера снова избили. Почему? Просто потому, что они меня нашли после уроков. Я сгруппировался и слишком рано вышел. А ещё, они почему-то искусили мои руки. За последние две недели у нас стала популярной тема об укусах, так как почти все выпуски новостей не обходились без новой порции случаев о "психически больных", а так же о странных происшествиях в больницах. Даже были летальные случаи.

Странные вещи начали твориться вокруг.

Паша вчера хотел заговорить об этом, когда я вечером лежал на кровати, но лишь сказал «Видел что в новостях? Будь аккуратнее на улице».

Мама вошла в комнату:

– Костик, не опаздывай. Иди умывайся и завтракать, – она быстро проговорила и ушла, а я успел укрыться одеялом, чтобы она не увидела мои синяки по всему телу и следы от укусов на руках. Она меня бы точно повела в милицию, и тогда были бы лишние вопросы.

"Всё, хватит думать. Надо собираться", – после этих слов в голове, я начал намного быстрее выбираться из кровати.

Сжав зубы, я надел холодную одежду и быстро вышел из комнаты в ванную, чтобы согреться от тёплой воды.

После того, как я покончил с делами в туалете и ванной, пошёл на кухню. Сегодня на завтрак я ел бутерброды с маслом и чаем. Завтрак я делал сам.

Мама в последние дни выглядела очень нервной и какой-то растерянной. Она ходила по квартире туда-сюда и всё время пыталась что-то сделать. Вчера я пытался у неё спросить, что случилось, но она лишь накричала на меня и велела отправиться в свою комнату.

Она стала меньше есть и, в целом, хуже выглядеть. Вчера был сильный жар. Мы решили вызвать врача сегодня вечером. Мама не рассказывает что случилось, но она почему-то боится показывать ногу, куда её укусила собака.

Я покончил с завтраком и пошёл за сумкой в комнату. После этого пошёл в школу.

Выйдя из подъезда, я заметил, что на улицах было пусто и как-то безлюдно, а ведь странно, ведь сегодня была среда – середина недели. И хоть городок у нас был сравнительно небольшой – всё равно утром на работу куча народу ехала.

Сегодня до школы я решил пойти напрямик. Из-за этого пришёл где-то на двадцать минут раньше. Я думал, что буду первым, кто придёт в школу, но нет – почти весь класс уже был в сборе, а ведь до начала урока было ещё около получаса.

Когда я шёл к своей парте, мне поставили подножку, и я упал – это уже было обычное явление. Один раз я больно ударился головой об угол парты и кое-как дошёл до стола под смех Максима.

"М-да, чудесное начало дня...", – подумал я. Под смех своих одноклассников я пошёл на другой ряд и сел за парту у окна. Там я был в большей безопасности.

Единственной девочкой, которая надо мной никогда не смеялась – была Катрин. Она была как будто отдельно от всего класса, и я ей в этом завидовал. В прошлом году Максим к ней попытался пристать, но она быстро ему расцарапала руки – он больше не лез. Да и никто к ней больше не лез. Я бы даже хотел подружиться с ней, но разве ей будет это интересно? Скорее всего, она общается только с такими же крутыми ребятами, как она сама.

За пятнадцать минут до начала урока пришёл учитель. За это время со мной ничего не сделали и никак не подшутили даже, что казалось очень странным: все только и обсуждали то, что происходило вокруг, и что говорили в новостях.

Перед тем, как выйти из дома, я узнал, что для больных построили какую-то карантинную зону, так как для этой болезни пока ещё не нашли лекарство, а распространяется она слишком быстро.

Да, это оказалась болезнь, а не расстройство. Несмотря на такой прорыв – даже симптомы точные неизвестны.

Там так же сообщили, что заражение происходит через жидкость. Очень похоже на ВИЧ. Предполагают так же, что заболеть можно и через землю, а так же некоторые продукты. Но самый сильный переносчик – это кровь, поэтому её попадание на открытые раны почти смертельно.

Я подслушал у одноклассников, что болезнь вызывает большую температуру, рвоту и бессонницу на начальной стадии. Так же они говорили, что учёные предполагают три стадии: процесс инфицирования, отторжение болезни и полное подавление иммунитета и последующая смерть в течение нескольких часов – поэтому врачи и рекомендуют обращаться сразу в ближайшую больницу, если человек обнаружил эти признаки в последнее время.

"Не хотел бы я заболеть. Выглядит жутко. Правда из-за бессонницы волноваться нечего – я и так мало сплю из-за компьютера", – мой разум тоже оказался втянут в этот омут одной темы, которая только и была повсюду.

Начался урок.

Уже неделю всё как-то серо и как будто не по-настоящему. Кажется, будто жизнь утекает, как вода в ванной без пробки.

Однако это не мешало моим одноклассникам издеваться надо мной ещё усерднее, и за урок мне в волосы прилетело с десятков слюнявых бумажек. Поскольку я делал вид, будто этого даже не заметил – они вскоре отстали и переключились обратно на обсуждение болезни. Всё как обычно. Даже учитель поругал меня за то, что я отвлекаюсь. Снова только меня. Действительно всё как обычно – может, всё не так уж и плохо?

"Эх, придётся сегодня снова мыть голову", – меня это ещё больше огорчило. Почти каждый день приходится это делать.

Несколько уроков прошли крайне быстро, а на четвёртом произошло то, чего я не мог ожидать: я просто сидел, старался не упускать слова учителя, который пытался объяснить новую тему, по которой через неделю мы будем писать контрольную работу. Так же думал о том, как и чем она могла заразиться. Я вспомнил слова своих одноклассников о симптомах новой болезни и всё сошлось: сильный жар, бессонница, странная рана на руке.

"Нет, нет. Этого не может быть. Как же так? – я не мог поверить в это. – Если так – надо звонить Паше и срочно идти домой, вести маму к врачу" – решившись, я вышел из-за парты.

– Николай Петрович, можно выйти? – я быстро сложил учебник и тетрадку в рюкзак, взял его за лямку.

– Костя? Зачем? – он даже не отвернулся от доски и продолжал выводить новые формулы на доске. На его чёрном пиджаке снова были светлые пятна мела.

– Мне нужно срочно домой.

– Неужели? – иронично переспросил Николай Петрович, несколько людей усмехнулись. Я знал, что сам он это сделал не со зла – просто такая манера разговаривать. – Что случилось?

– Может вы не поверите, но та инфекция...

Почему-то все молчали. Это немного напрягало. Стояла вообще гробовая тишина.

– Инфекция? – перебил он меня. – Этот новый сильный грипп или как его там?

– Да. Кажется, моя мама больна. Ей вчера было очень плохо. И я не могу сейчас дозвониться до дома – можно я пойду её провести?

Николай Петрович, наконец, отвернулся от доски.

– Да-да, конечно. Можешь идти.

Я подхватил рюкзак и пошёл к гардеробу, чтобы забрать куртку.

– А можно и мне? – выкрикнул Андрей со смешком.

– Тебе нельзя.

Я пошёл к выходу. Все смотрели на меня и я только слышал обрывки шёпота: «...больна? *смешок* умрёт... наконец-то... может и он?...» – хотелось поскорее выбраться из этого болота.

Прямо передо мной открылась дверь, и зашёл человек в военной форме с автоматом на плече.

– Дайте пройти пожалуйста, – сказал я ему.

– Сядь на место, – только и ответил мне человек в форме, направив рукой в сторону первой парты, которая пустовала. Остальная половина класса так и не появилась – видимо, из-за инфекции родители разрешили не идти. Я слышал ещё, что некоторые пару дней как уехали за границу.

– Мне срочно нужно, – настаивал я.

– Мне тоже. Сядь, пожалуйста, у меня важное объявление.

Я послушно сел на ближайшее место и ждал, пока военный закончит.

– В связи с увеличением опасности инфекции правительство эвакуирует всё гражданское население на небольшую укреплённую базу, где вас осмотрят и где вы будете в безопасности. А так же встретите своих родителей, родственников. Слушайте внимательно и, самое главное, не паникуйте: сейчас все дружно складываем вещи, берём куртки из гардероба и идём на улицу – там вам скажут, в какой автобус нужно сесть. Поэтому, если вопросов нет, собирайтесь и выходите, – солдат собрался выходить, но Николай Петрович остановил его вопросом.

– А мне тоже с учениками идти?

– Да, конечно, – бросил солдат и вышел.

После того, как он вышел, в классе начался бардак: несколько людей начало паниковать, кто-то собрался идти домой, но Николай Петрович всех утихомирил:

– Тихо всем! Я понимаю, что вам страшно – мне тоже – но вы слышали слова того солдата: там может быть наша семья, близкие – нам никак нельзя разбредаться. Я и сам не очень-то верю в то, что эта болезнь настолько опасна, но не может же это продолжаться вечно. Поэтому давайте соберёмся и сделаем всё по порядку. Думаю, что через пару дней нас всех уже отпустят домой.

Я понимал, что он и сам не верил в эту глупость, но она почему-то сработала и все собрались. Я решил пойти со всеми – там больше шансов встретить маму.

Я шёл позади всех, а это значит, что мне поставили подножку, я упал и несколько человек засмеялось.

Учитель выругал виновника этого происшествия, и мне стало не так обидно. Это был один из немногих раз, когда справедливость оказалось на моей стороне. Хотя, Николай Петрович почти всегда понимал меня и не ругал просто так.

Всё было так, как и сказал этот военный: на улице стояло три жёлтых автобуса. Нас направили к тому, что был в середине.

В течение следующих пятнадцати минут я наблюдал, как другие классы выходили из школы и рассаживались по автобусам. Не было только младших классов.

"Наверное, им поставили что-то вроде каникул из-за болезни..." – единственное, что я смог предположить.

После того, как все три автобуса были заполнены (пусть и не полностью, но всеми, кто был в школе на тот момент) – водители начали выполнять свою работу.

Мы ехали недолго: около двадцати минут.

На телефоне была ещё половина батареи, и я мог слушать музыку всё это время, потому что слышать оскорбления от своих тупых одноклассников я уж точно не хотел.

Когда мы уже подъезжали к месту назначения, встал один из сопровождающих – тот же солдат.

– Если вы не увидите кого-нибудь из родственников – не паникуйте. Просто ожидайте. Эвакуация только началась. В течение нескольких дней мы проведём полную эвакуацию. Ждите. После осмотра у специалистов на наличие инфекции – вы сможете свободно передвигаться по территории временной базы. Это всё для вашей же безопасности.

– Так мы пленники или что? – спросил кто-то из параллельного класса.

Солдат ответил неожиданно грубо:

– Никто никого не держит. Хочешь – вали. Я просто выполняю приказ. Я лично подышать не хочу – и тебе не советую.

Больше вопросов не было.

Только перед самой базой в воздухе раздался резкий нечеловеческий вопль, но на все вопросы солдат отвечал: «Не разводите панику».

Когда автобус заехал на территорию отделения милиции – за нами закрыли ворота. Это было укрепленное место, огражденное забором с колючей проволокой, а весь периметр патрулировали солдаты с автоматами наизготовку. Меня это очень удивило. Да и не меня одного.

Хоть я и не хотел идти в это здание, я всё равно повиновался и пошёл за толпой.

У входа стояли несколько солдат. Они нас сопровождали в отдельное здание, где было много людей в защитных костюмах. Нас оставили в коридоре и по одному вызывали на приём. Все сидели тихо, кроме нескольких человек, которые о чём-то шептались и ржали.

Когда настала моя очередь – я встал и вошёл в небольшую комнату. Там было очень ярко и как-то суетливо. Обстановка скудная: пару столов с компьютерами, столы вдоль стены и шкафчики.

Мне сказали полностью раздеться. Даже нижнее бельё. Я сначала отказывался, но, поскольку, это была необходимая процедура – я всё же согласился. Это было очень унижающе и ещё больше усугубляло угнетённую мрачную обстановку.

После полного и очень тщательного осмотра тела, меня отпустили и выдали чистую одежду. Очень простую, но мне сказали, что это лишь на время дезинфекции, после которой наши вещи вернут обратно.

Сказали выйти в другую дверь, и я оказался посреди тускло освещённого небольшого коридора. Было ещё три двери, возле одной стоял солдат – он подошёл ко мне:

– Не знаешь куда идти? Тебе туда, – он указал на дверь по левую сторону в конце коридора.

– Спасибо, – еле слышно сказал я и быстро пошёл к двери.

Пройдя по ещё одному коридору, я вышел в большую комнату, где было много людей. У стены стояли чемоданы, сумки, даже какие-то коробки. Очевидно, тут было что-то вроде зала встреч или ожидания. Я потратил, казалось бы, целую кучу времени, но никого так и не встретил. Каждый раз, когда я видел чьи-то светлые волосы, в груди что-то замирало, но каждый раз это оказывался другой человек. Ни мамы, ни Паши, ни бабушки – никого.

Я подошёл к офицеру, который стоял у стены:

– Здравствуйте. Извините, пожалуйста, но я ищу свою семью и никого не нахожу...

– Фамилия.

– Рудвенов.

– Рудвенов? Подожди, сейчас, – он достал планшет и начал искать информацию о моей семье. – Только Костя Рудвенов поступил.

– Спасибо, но это я.

– Ну что же... Ожидай. Не волнуйся. Вход в жилой корпус на втором этаже, слева. Можешь отдохнуть пока.

– Спасибо.

Я поднялся по лестнице на второй этаж.

Узнать вход в жилой корпус было несложно – это была просто дыра в стене. Причём за стеной всё было какое-то маленькое, несерьёзное – совсем не к месту.

Я не знал чем себя занять – пошёл изучать здание и, найдя какую-то детскую книгу по мальчика-невидимку, я углубился в чтение и не заметил, как стемнело. Нужно было выходить.

Видимо, я был в отдельной комнате и меня не заметили, но я быстро встал и вышел в коридор.

Искать долго не пришлось. Меня заметил тучный военный и подошёл. Форма странно обтягивала его толстый живот, и второй подбородок был мокрым от пота.

– Что ты здесь делаешь один? Где твои родители?

– Ещё не привезли.

– Понятно, – ответил он. – Тогда тебе в зону ожидания.

– А где она?

– Сначала поднимаешься по лестнице в конце коридора... – начал он, а потом прервался: – Ай, ладно. Идём за мной.

Мы поднялись на третий этаж, к большому залу. Там стояло много кроватей, раскладушек и было много спальных мешков на полу. А вот людей было мало.

– Выбирай любое, – после этого он вышел, а я стал выбирать, куда бы мне прилечь.

По сути, мне было всё равно. Я прошёл пару метров, снял рюкзак и просто плюхнулся на кровать без постельного белья. Через три кровати кто-то спал. Я прямо в одежде забрался под одеяло и укутался.

Я даже и не заметил, что всю дорогу держал в руках книгу.

А так же весь вечер не думал о маме. Но сейчас мысли снова вернулись в мою голову. Они не давали мне долго уснуть, но, в конце концов, я немного был вымотан сегодня и кое-как уснул разбитым сном.

Начало. Часть 3.

Сквозь дремоту я услышал, чёткий звук солдатских сапог разрезал комнату, а за ним недовольный сонный бубнёж людей. Я посмотрел в телефоне время: было всего пять утра. И никак не получается нормально поспать

Я здесь был уже три дня, а никого из своей семьи ещё не встретил. Некоторых моих одноклассников забрали родители и увезли куда-то за город. Это было официально запрещено, но деньги решают много вопросов и открывают даже закрытые двери. Хотя, мне кажется, что скоро они нам уже не понадобятся. Каждый день привозят людей, и некоторые рассказывают ужасные вещи о том, как какие-то монстры прямо на улице разрывают людей. Эти монстры как люди, только до них невозможно достучаться.¹

На второй день я узнал, что не всех сюда привозили по желанию: много людей вообще сопротивлялись. Но также было и что некоторые люди просто организовывали лагеря или запирались в квартирах, дожидались там военных.

Военные до сих пор говорят, что держат нас здесь в качестве профилактики. Мол, чтобы мы не заразились.

"Зачем же нас здесь всё-таки держат? Я не думаю, что они до сих пор не придумали какие-нибудь таблетки или ещё что-нибудь... Были и раньше неизлечимые болезни, но чтобы до такого карантина – никогда... Они явно что-то недоговаривают. Особенно если послушать про людей-монстров на улицах – так жуть берёт", – я шёл к умывальникам.

Сегодня очередь была ещё больше, чем вчера.

"Видимо, новых привезли ночью. Странно, я не думал, что они совершают ночные рейды за выжившими. Но, если поступили новенькие – там может быть кто-то из моих".

Логично, что ты захочешь в туалет после поездки – поэтому я первым делом проверил очередь в туалет: никого.

После туалета единственное место, где можно было найти информацию – главный зал. Там были и списки у дежурного, и люди сами собирались для встречи. Это было в смежном здании.

Но даже там я не нашёл никого, даже знакомого.

"Видимо, мне придётся ждать ещё один день... Блин, ну когда же маму привезут?" – я не мог успокоиться уже несколько дней: здесь я ощущал себя одиноким, даже одноклассников не было видно – очень странно. Только один раз встретил Катрин в коридоре, но мы лишь поздоровались и пошли дальше.

До обеда я снова просидел в библиотеке, полностью погрузившись в чтение.

"Блин, почему я раньше не читал? Это же так круто", – книги стали моим способом убежать от проблем и расслабиться. На этот раз мне в руки попала книга "Полный омут" – классика проверенная несколькими веками.

Когда я шёл на обед, заметил, что в здании какая-то спешка, но не придавал этому значения и пошёл дальше в столовую.

У столовой были разборки двух мужчин:

– ... Слушай, это моя жена. Извинись перед ней, пока я не расхерачил твою морду, – первый мужчина был толстый и с лысиной на затылке, а на лице – несколько больших родинок. На вид ему было около сорока.

– Да что я такого сделал? – второй мужчина громко, с показным весельем, рассмеялся. – Все знают, что твоя жена шлюха. Разве это не так? – он тоже был не маленьким. Его крепкие руки были напряжены. Он быстро переводил взгляд, что смущало и настораживало. – Она чуть ли не с половиной города спа...

Ему не дал договорить удар, что пришёлся на лицо и сразу отбросил его на пол. Завязалась драка.

Двое военных, что стояли у самой столовой, спокойно смотрели на это и смеялись. Даже делали ставки, кто же победит в этой схватке. Не похоже было, что они что-то будут предпринимать. Одна пожилая женщина подошла к ним:

– Сделайте что-нибудь, они же поубивают друг друга! – другая стояла позади и поддакивала.

– Женщина, не мешайте. Когда нужно будет – разберёмся, – сказал один из них, улыбаясь. Я решил тоже не вмешиваться и просто прошёл мимо:

"Это их дела, а не мои. Меня это не касается", – как обычно, нашёл оправдание для себя, и прошёл в столовую. Сел в отдалённом углу, куда никто не садился. Там я мог скрыться ото всех и поесть в одиночестве.

Дали овсяную кашу и холодный чай, немного хлеба.

Каша была совсем сухая. Как и вчера.

У меня было такое ощущение, будто на дворе война.

Я всё думал, сколько нас продержат здесь: ещё пару дней, неделю, месяц? Просветов не было видно, но и не могло же это вечно продолжаться – максимум пару месяцев.

Не осилив вторую ложку, совсем без чувства голода, я поспешил выйти и увидел, что обоих мужиков уже не было. Видимо, военным надоело смотреть на это побоище и они обоих отправили в изолятор – отдельная комната для нарушителей порядка. Это был подвал здания милиции, где обычно держали подозреваемых. По крайней мере, именно так сказал какой-то пожилой мужчина вчера.

Я собирался пойти снова в библиотеку и погрузиться в чтение до вечернего "привоза", но тут ко мне подошёл военный:

– Мальчик, что ты здесь делаешь?

Я сначала не понял к чему он, а потом понял, что никого нет вообще рядом.

– Здравствуй, я в библиотеку иду, а что?

– Тебя никто не предупредил что ли? – на его лице показалось волнение.

– Предупредил? Нет... О чём?

– У тебя много вещей? – спросил солдат, вместо ответа.

– Ну... У меня всего несколько вещей, в зале наверху... А что случилось?

– Бля... Где твои родители?

– Никого из моей семьи ещё не нашли. Что-то случилось?

От напряжения задёргался палец на руке.

– Нет... Не волнуйся. Сейчас просто всех перевозят в более безопасное место – возле Кантера. Там твоя семья точно будет. Иди быстрее за вещами и выходи на улицу. У тебя будет минут десять – успеешь?

– Угу, – пробубнил я.

– Тогда бегом. Я предупрежу водителя, – солдат развернулся и пошёл к выходу. Мимо нас пробежала пара милиционеров.

– Спасибо, – наскоро ляпнул я и побежал в библиотеку. Было глупо, но я очень хотел забрать ту книгу.

Я справился быстрее и через минут пять уже бежал к выходу.

В коридоре на обратном пути я нашёл фонарик, который лежал на полу, и забрал его – мало ли, вдруг пригодится?

Я вышел в тот момент, когда двое автобусов уже отъезжали – несколько лиц в окнах посмотрели на меня с каким-то страхом.

У единственного мини-автобуса стоял всё тот же парень в военной униформе. Он помахал мне рукой и я, немного задыхаясь, побежал к автобусу.

"Жаль, что не зарядил телефон. Думал, на ночь поставить, а теперь может и сесть уже", – я с грусть посмотрел на тридцать процентов батареи.

В этом мини-автобусе, без меня было, не больше десяти человек – они выглядели напуганными, и лишь пару человек посмотрело на меня, когда я вошёл.

Как только я вошёл в автобус – парень зашёл за мной и командовал водителю, чтобы мы ехали. Видимо, все ждали меня. Двери захлопнулись и мы поехали.

Я решил сесть на место у окна. Мне всегда нравилось сидеть у окна. Рядом со мной сидела пожилая женщина. У неё были длинные, до плеч, седые волосы. Они у неё немного вились. Глаза выражали умный взгляд. Правда, она не сразу меня заметила, и мне пришлось несколько раз её дёрнуть за руку, чтобы мне, наконец, дали пройти.

Мы выехали, ворота закрыли и пара военных запрыгнула в открытые двери.

– Газуй, – командовал мужчина с усами, и водитель двинул по газам.

Я вставил наушники и смотрел на непривычные пустые улицы. Середина осени только ещё больше угнетала.

День 4.

— Эй, хватит мемуары свои писать. Не до этого сейчас. Нам идти нужно.

Все ждали только меня – я отложил дневник и быстро уложил его в рюкзак. Поскольку мы останавливались ненадолго, то и вещи разбирать не пришлось.

У Майка были с собой ножницы по металлу (я так и не понял, зачем они были нужны при эвакуации) и мы прорезали себе небольшое отверстие в сетке, чтобы зайти.

Это было небольшое углубление между домов, огороженное сеткой, для подстанции. Было видно, что сетка не новая, и что её резали до нас неоднократно.

Майк был пожилым человеком, но широкоплечим и крепким. Выглядел он лет на десять моложе, чем был на самом деле. Только полная седина выдавала, что он постарел. Насколько я понял из пары его реплик, он раньше был военным, но вышел в отставку ещё до «кризиса» – так я называл то, что сейчас происходит.

"Надеюсь, мы сможем найти нормальное место для ночёвки...", – думал я на ходу. Окружающая осень как бы гармонировала с апокалипсисом, вгоняя в ещё большее уныние.

– Раз мы вернулись в город – мне нужно заглянуть домой, – я решил напомнить об этом. Меня ни на секунду не покидало это желание. Я понимал, что там никого нет, но и уйти, не попробовав, не мог.

– Зачем? Забыл свои игрушечки? – Максим, как обычно, язвил.

– Нет. Мне нужно убедиться, что мама в порядке. Может Паша оставил записку.

– Смотрите, маменькин сыночек, ха-ха... – он начал изображать смех, а затем резко прекратил. Я посмотрел на него и увидел, как он потирает голову.

– Хватит, – отрезал Павлов.

Павлов был солдатом – одним из нескольких, которые должны были сопровождать автобус. Это он меня тогда предупредил об отъезде, а также уже спас жизнь несколько раз. Он был совсем молодым парнем: 25 лет – не больше. Если посмотреть на него внешне, то не скажешь о нём «сильный», но рядом с ним было спокойно. В принципе, он-то и решал: куда нам идти и что делать.

Хотел бы я думать, что не знаю, что было бы без Павлова и Майка, но я знаю.

– Тише вы – нас услышать могут. Сами знаете уже, что сейчас нигде не безопасно. Особенно на улице, – шикнул Павлов, не поворачиваясь.

Павлов приложил палец к губам и показал в сторону соседнего дома: там, возле облысевшего дерева, стоял восставший – его несложно было узнать по грязной одежде и шатающемуся телу.

– Может это человек? – я старался не издавать звуков.

– Нет, – ответил Павлов. Он кивнул мне – дал знак притаиться – и пошёл вперёд вместе с Майком. Оба они могли убивать этих... монстров.

Я познакомился с Майком ещё на базе – правда, мы перекинулись всего парой слов. На самом деле его зовут Алексей, но, он попросил так себя называть и сказал, что это его кличка ещё со времени службы.

Они быстро подбежали к восставшему и пробили ему голову большим камнем, пока он не среагировал. Каждый раз это выглядело жутко...

Убивать людей – это ужасно... пусть и мёртвых... Они же просто больны – можно как-то вылечить или просто подождать до момента, когда откроют лекарство, но одновременно с этим понимал, что сейчас иначе нельзя: либо ты, либо тебя. Но я никак не мог решиться сам на это. Даже мысленно.

Павлов кивнул и мы с Максимом, пригнувшись, побежали к ним.

Майк с Павловым разделились и пошли проверять двери: вдруг, какая-нибудь из них будет открыта. В городе ещё оставалось электричество.

В одном подъезде была размагничена дверь.

– Все помнят, что делать, если увидите инфицированного?

– Не кричим, тихо стараемся уйти, пока он нас не заметил, – сказал я. Павлов повторял это каждый раз.

– Хорошо. Проверьте свои ножи – они должны быть в секундной готовности. Это спасёт вам жизнь. И помните: не дайте им кричать... – он не договорил. Максим его перебил:

– Да-да, знаем уже: это привлечёт других восставших. Ты достал. Давай идти уже, – Максим пошёл вперёд. Он всё так же выделяется – как в школе.

Максим был главным хулиганом в моём классе и это по его инициативе надо мной издевались. Никто не хотел перейти ему дорогу, и даже учителя шли на поводу. Его родители были где-то в верхушках правительства этого города. Ему можно было всё. Он себе всё и позволял: избивать бомжей с друзьями, алкоголь, наркотики, оскорбление учителей – это знали все. Он единственный из богатых, кого не забрали родители. И это было странно: он ведь один из богатейшей семьи города. Я видел, как он несколько раз пытался звонить, но тщетно – связь уже работает. Сам он виду не подаёт, что волнуется, но я всё понимаю: он ведь такой же потерянный ребёнок, как и я.

«Тяжело, наверное, лишиться силы денег – он ведь как я сейчас», – думал я с удовольствием.

Я пошёл с Майком – нам нужно было посмотреть этажи с третьего по пятый. Павлов и Максим смотрели до второго этажа.

Мы аккуратно, почти без шума, поднялись по лестнице и решили разделить: я третий этаж, Майк – четвёртый и пятый.

Пусть Павлов и не очень это одобрял, но так было быстрее. На каждом этаже было по 4 квартиры: две справа от лифта, и две слева.

Я пошёл в левое крыло.

Достал фонарик из рюкзака, включил и заглянул за стену: в коридоре было чисто, и я продолжил медленно прокрадываться.

Мне было очень страшно, у меня тряслись руки – луч света дёргался на стене, но я продолжал идти. Деревянные половицы скрипели под ногами. Краска на них полупилась и слезла задолго до того, как начался апокалипсис. Сквозь стекло в конце проникал слабый дневной свет, но его не хватало. На стене были надписи маркером: «Маша, солнышко, я тебя люблю», «Игорь и Колян были здесь», «Яна – красава». На одной было это: «Витя – машина», а снизу другим, более большим, почерком «ЛОХ».

Первая дверь оказалась закрытой, и я пошёл в конец коридора к другой.

Вчера мы были в подъезде, где не было окон, и была практически крошечная темнота. Мне сразу показалось, что ничего хорошего ждать не стоит – так и случилось: в темноте был восставший, который чуть не добрался до Максима, но Павлов вовремя подбежал и быстро пробил ему голову отвёрткой. А я ничего не сделал... Я просто стоял и слушал, как кричит и просит о помощи Максим... как ему страшно. Я не мог даже пошевелиться – страх сковал тело.

Но одновременно с этим было что-то приятное внутри. Поначалу я испугался этого, когда осознал, но сейчас понял почему: я хотел, чтобы до него добрался восставший. Я хотел, чтобы Максима не стало.

"Хватит витать в мыслях. Здесь нужно быть осторожным", – выругал я себя мысленно.

Вторая дверь оказалась открытой. На такое я не рассчитывал.

Под впечатлением такой удачи, я решил пройти дальше. Открыл тяжёлую металлическую дверь и прошёл вперёд. Это оказалась просторная двухэтажная квартира.

Я хотел прямо у двери упасть: несколько дней мы шли в город почти без отдыха, и я очень устал.

Я начал осматривать квартиру: на первом этаже было три небольших комнаты, отдельный санузел и кухня. Я решил подняться на второй этаж и увидел, что там была вторая ванна и ещё две комнаты: слева и справа от лестницы. Они так же были небольшие, хоть и комната была заметно больше, чем слева.

Я не решился заходить в комнаты и тихо, не производя лишнего звука, спустился по лестнице, закрыл дверь. После этого прошёл в другое крыло и проверил две оставшихся квартиры – закрыто.

Я вышел и пошёл к Майку – он уже ждал у лестницы.

Одному квартиру лучше не осматривать – неизвестно что будет прятаться за поворотом. Лучше это оставить старшим.

– Нашёл что-нибудь? – спросил я. Мне хотелось поделиться своей находкой.

– Нет. Все квартиры были закрыты и ничего интересного в коридорах. Хорошо хоть без восставших. Можно, конечно, какую-нибудь дверь взломать. Правда это шума наделает... А у тебя что? – он выпрямился, спустился к окну в подъезде возле лифта, и закурил.

– Есть одна открытая квартира.

– Что ещё?

– Там пять комнат, но я их не осматривал – сразу ушёл к вам.

– Молодчик, мальчик. Правильно сделал, – ответил он, выдыхая сигаретный дым. Его это «мальчик» каждый раз режет слух.

– Дверь большая, металлическая и тяжёлая. Я думаю, что можно там переждать день или два.

– Скажем Павлову – пусть этот малец и думает, раз главным захотел быть.

Мы аккуратно спустились до второго этажа. Там нас уже ждали.

– Ну что, есть что-нибудь? – Майк с ходу задал вопрос.

– В подвале был восставший и на первом этаже в темноте прятался. Я почти мимо прошёл, но потом услышал шорох, подсветил и увидел, что не один, – Павлов вздохнул и поправил нож. – Не судьба была ему сегодня поест. Ладно... Шутки – шутками, а сейчас по делу. Была лишь одна квартира на втором этаже, но обчищенная полностью. На кухне был пакет гречки. В подвале я нашёл небольшую аптечку. Так что с бинтами у нас проблем не будет. А у вас что?

– У меня – ничего. Но вот у паренька вроде что-то есть. Говорит, что нашёл квартиру. Вроде безопасная, по его словам. Я не проверял, но можно.

– Вот и правильно. Не стоит лишний раз рисковать. Лишний шаг может быть последним. Лучше оставь это нам.

Майк докурил и бросил окурочек в проём посреди лестницы.

– Ну да, он же малой – съедят ещё, – Максим с усмешкой посмотрел на меня.

– Ты не больше, – отрезал Павлов и пошёл к лестнице. Максим раскрыл рот – хотел что-то сказать, но не решился и пошёл следом.

Мне понравилось, как Павлов поставил его на место.

– Ты чего лбы давишь? – прошипел Максим еле слышно, чтобы только я услышал, равняясь со мной.

– Ничего я не улыбаюсь, – ответил я, скрывая улыбку. Я даже сам не заметил, как она появилась.

– Потом посмотрим, как ты будешь улыбаться, – теперь уже улыбался Максим и чуть прибавил шаг.

Мы свободно поднялись по лестнице на следующий этаж.

– За мной, – тихо сказал я и пошёл к той двери.

Майк пошёл проверять верхние комнаты, а Павлов – нижние. Меня же с Максимом они попросили подождать в коридоре. Прошло буквально секунд сорок, как появился Павлов и позвал нас жестом внутрь.

Он закрыл входную дверь каким-то стулом.

– Тут и вправду безопасно. Сейчас осмотритесь пока что и отдохните хорошенько. Мы останемся здесь до завтра, – после того, как он договорил, пошёл на второй этаж.

– А почему не дольше?

– Не забывай, что нам надо в Кантер – там база действующая, – Павлов поднялся по лестнице.

– Не лезь ко мне. Иди поищи, может тут игрушки есть, – Максим прошёл в первую комнату.

Я решил осмотреть остальные комнаты. Во второй комнате было что-то вроде зала с большими шкафами, в которых стояла куча книг. В центре стенки было постое место, но телевизора нет. Напротив стенки стоял мягкий, белый диван. Я хотел упасть прямо здесь, но всё же пошёл осматривать другие комнаты.

Третья комната была с одной стороны более современная с тёмными шторами и синими обоями – мне понравилось это сочетание. Там была кровать и рабочий стол. Так же под кроватью я нашёл футбольный мяч, но бросил его обратно. В шкафу я нашёл несколько вещей. Скорее всего тут жил мальчик – хотя, может и девочка? А ещё, на столе был след в пыли – там когда-то стоял монитор и так же были на полу следы от системного блока.

С другой стороны – обои ярко жёлтого цвета. На стене у окна обои были разрисованы. Так же на полу лежало много бумажек, листиков, тетрадок. Был ещё и большой комод – он выглядел странно, и я решил его не осматривать. Было такое ощущение, будто эта девчачья комната. Но мне стало интересно и я начал разбираться в куче на полу – там оказалось много рисунков. На одном листике была нарисована серая собака с тёмными пятнами, а на другом милый мальчик с довольной улыбкой, ушками и хвостиком лисы. Так же я нашёл другие мультяшные наброски и рисунок какой-то очень красивой синей птицы.

Рассматривая и разбирая всю ту кучу бумаг, я не заметил, как прошло несколько часов. На улице уже начало темнеть – я решил, что надо уже выбрать куда лечь и подкрепиться.

Первая комната сразу отпала – там был Максим. С ним я уж точно не хотел оставаться. Наверху обе комнаты тоже заняты. Я вернулся во вторую комнату: большой белый диван выглядел очень привлекательно и я решил остаться здесь.

Я подошёл, скинул рюкзак с плеч к дивану, достал телефон и хотел послушать музыку, как в дверь вошёл Майк:

– Вот твой ужин, – быстро проговорил он и вышел. Это оказалось очень вовремя. Я улыбнулся.

Я хотел бы с кем-нибудь переговорить. С Майком это не вышло, а вот с Павловым, мне казалось, мы могли бы подружиться. Но так с ним и не удалось поговорить нормально после первого дня.

Я встал и подошёл к пакету: внутри оказалось два яблока, пакет чипсов и шоколадный батончик. Этого мне хватило, чтобы утолить вечный голод. Даже батончик решил оставить на потом, чтобы не объедаться зря.

Когда я уже хотел лечь спать – в комнату вошёл Максим – я уже понял, что он хочет:

– Я что-то не наелся. Может поделишься? – он быстрым шагом подошёл и встал напротив меня. Я сидя смотрел на него.

– Максим, может не надо? Мы же сейчас заодно должны быть... – он не дал мне договорить и ударил в бровь.

– Молчать. Я не разрешал тебе говорить. Давай свою еду или пожалеешь, что твоя шлюхамать выблядка родила когда-то.

Во мне на секунду вскипел гнев.

– Но...

– Еду мне давай, а не пизди, – он снова ударил, но сейчас уже в челюсть. Я упал с дивана на ковёр. Гнев сменился страхом.

– Я съел её уже, – простонал я. Что-то тёплое растеклось во рту. – Отстань, пожалуйста. Из брови протянулась струйка крови.

– Ах ты сука... Знал, что я приду, и сожрал всё быстро, – он ударил в живот ногой и пошёл к двери. – Значит так, только попробуй кому-нибудь сказать об этом – я случайно тебя пихну к одной из этих тварей, ясно?

– Да... – промычал я, сглатывая кровь, и он вышел.

От боли я окончательно упал на пол. Кровь во рту была слегка солёная на вкус. Я почувствовал, как еда чуть было не пошла обратно, но я сдержал рвотный позыв.

Кое-как я забрался обратно на диван и тяжело выдохнул.

Я лежал побитый и сломленный...

Слёзы и ненависть жгли меня изнутри. Я достал из рюкзака телефон, включил его, подключил наушники и включил музыку – она немного сгладила гадкое ощущение внутри.

Музыка и усталость сделали своё дело – я смотрел на странные витиеватые тёмные узоры на белых обоях и незаметно уснул, даже не накрывшись.

День 7.

Прошло несколько дней, как мы в этой квартире... Максим не давал мне покоя всё это время. Поэтому я рвусь на вылазку с Павловым при любой возможности – лишь бы рядом с ним не быть.

На следующий день Павлов и Майк решили, всё же, остаться здесь ещё на пару дней, но не больше. Нам всем нужен был отдых.

Всё это время я предлагал Павлову пройти до моей квартиры, но никак не получалось. В обычное время отсюда можно было бы дойти за пару часов. Сейчас же был риск вообще не дойти.

Выходя из комнаты, я встретил Павлова.

– Долго мы ещё будем здесь? – спросил я вопрос, который задавал эти несколько дней.

– Не знаю, Костя. Не знаю. Мы уже несколько дней пытаемся выйти на связь с моим начальством, но безрезультатно. Рация просто молчит, – он присел на комод в прихожей, посмотрел пристально на меня: – Нам нужно связаться с моим командованием. Это сейчас важнее.

Я сам не понял почему взорвался:

– Важнее? Моя семья сейчас может быть мертва, – начал я, но опомнился. – А, может, и нет... Я хочу хотя бы знать, что с ними... – тихо добавил я.

– Мы обязательно сходим к тебе домой. Но связавшись, я могу узнать о твоей семье. Может быть, они уже в безопасности – и тогда зачем нам идти? – Павлов протянул мне руку.

– Понимаю, – ответил я, хватая его руку и помогая встать.

– Не волнуйся. Мы со всем разберёмся. И всё будет хорошо. Уверен с твоими родными всё в порядке. Ты же сильный парень, – подмигнул Павлов.

Его слова вселили в меня уверенность, и я успокоился.

– А теперь, иди, собирайся. Сегодня ты идёшь с Майком в соседний дом. Сам видел: в последние дни холодает, а здесь вещи бабские одни, да и на улицах стало опаснее – может оружие найдётся. Восставших намного больше стало – это плохой знак, – Павлов выглядел озабоченным. Мне и самому казалось, что город превращается в одну мёртвую ловушку.

Я решил подбодрить его:

– Не волнуйся. Мы выберемся – сам же сказал. В отличие от восставших, мы хотя бы соображаем.

Павлов усмехнулся.

– Только что я тебя успокаивал, а теперь уже ты меня. Забавно получается, – сказал Павлов и через несколько секунд добавил тихо: – Слушай, давай-ка в твою комнату пойдём.

Я дал ему пройти и закрыл дверь.

– Идём сегодня со мной, – сказал Павлов, осматривая комнату.

– А зачем ты тогда его с собой брал? – спросил я.

Павлов внимательно смотрел на стенку с книгами.

– Знакомые обложки... Не верится, что весь этот ужас начался неделю назад, – сказал он задумчиво. – Кажется, будто уже месяц прошёл с тех пор как можно было вот так сидеть на диване дома, у телевизора, и отдыхать. Не думая ни о том как прокормить себя, ни о том, придёшь ли ты вообще с очередного похода домой.

После своих слов он ещё несколько секунд смотрел на книги и потом сказал всё так же тихо и задумчиво:

– Зачем брал с собой? Хотел за ним последить. Выяснить, что за человек. Я же не дурак – вижу, что у вас какие-то тёрки между собой. А сейчас не то время, чтобы размениваться людьми.

– И как? Выяснил?

– Да, – ответил он, поворачиваясь ко мне и улыбнулся. – Поэтому и предложил тебе со мной пойти.

– Ну... – начал я. Мне было немного неловко отвечать. Я не хотел идти с Майком – он всегда ходил сам по себе и мне было страшно оставаться одному. Но одновременно с этим меня так же пугал Павлов. Я видел, что он хороший парень. Но как будто я просто не мог довериться.

Я постоял несколько секунд. Павлов в это время отошёл к окну и посмотрел на улицу.

– Погодка удачная, – сказал он с улыбкой.

– Я согласен, – ответил я, пересилив себя.

– Вот и хорошо, – хлопнул Павлов в ладоши, будто маленький мальчик. – Может быть и домой к тебе зайдём, – подмигнул он мне и посмотрел на часы: – Выходим через полчаса.

Я кивнул и дал Павлову пройти. После этого начал собираться.

Я собрался за несколько минут. Мне и собирать-то было нечего: рюкзак был почти пустой, а одежду я просто не снимал. Мне нужно было просто подготовить рюкзак, чтобы не искать его потом и разложить все мои вещи в нём. После этого я прилёг на диван, слушая музыку, и незаметно задремал.

– Просыпайся, – сказал голос. Кто-то толкал меня в плечо. Это оказался Павлов. – Выходим?

– Сейчас... – ответил я сонным голосом, кое-как вырываясь из цепких лап сна.

– Давай через пять минут входа. Зима близко – день короткий. Нам бы найти ещё что, – сказал Павлов.

– Хорошо...

Я собрал всю свою волю и встал. Во рту было сухо.

Я взял телефон, положил его в рюкзак и взял оттуда бутылку с водой. Попил. Через несколько секунд, когда вода дошла до желудка, мне стало легко, сонливость окончательно отошла. Я надел свою чёрную осеннюю куртку и вышел.

Павлов стоял уже у двери и рядом с ним Максим. Павлов стоял спиной ко мне.

– Ты пойдёшь с ним? – в голосе Максима было сильное презрение. Я понял, что он говорит про меня. – С этим слабаком? За себя не боишься? Я бы с ним никуда не ходил. Он только под ногами путаться будет. Мы тут самые сильные и нам надо вместе быть, понимаешь? Я не хочу с этим мужиком идти – сам видишь, что он мутный какой-то. Пусть эти двое вместе умирают.

Я стоял в дверях и просто наблюдал. Конечно, меня задела слова Максима, но это было одно из самых безобидных оскорблений, которые он мне говорил.

– Этот мутный мужик спас тебе жизнь, – резко ответил Павлов. Максима ошарашила эта реакция. Павлов продолжил спокойнее: – Он знает о выживании и бое больше всех нас. А насчёт Кости – чтобы я больше такого не слышал. Если хоть волосок с его головы и... – он не продолжил, так как заметил меня.

Максим со злостью посмотрел на меня.

– Пф, – фыркнул он. – Делай, что хочешь. Но помни: это приведёт тебя лишь к смерти. На них, – кивнул он на меня, – рассчитывать не стоит. Это слабые люди. Рискуй своей жизнью сам, а я лично рисковать не собираюсь. – Максим договорил и ушёл. Но я заметил в его голосе какой-то еле заметный страх. Хотя, может мне просто показалось.

– Видимо, ты слышал наш разговор... – Павлов немного замялся. Но я не понял из-за чего. Он ведь всё правильно сказал.

– Забей на него, – сказал я. – Он вечно всем недоволен.

– Ладно... – Павлов сразу собрался. – Пойдём.

Павлов пропустил меня, я вышел в коридор и он закрыл дверь.

– Давай повторим правила.

– Держаться позади тебя и идти только если ты позовёшь, – начал я и замялся, собираясь с мыслями: – Если что – восставшим уничтожить головы... Только это их убьёт.

– Да, – кивнул Павлов.

– Держаться от крикунов позади и обходить их как можно больше.

– Ну, в общем-то, верно.

– Тогда мы идём? – спросил я, подходя к двери нашего крыла.

– Да. Идём, – кивнул Павлов, открыл дверь и нырнул на лестничную клетку.

Мы вышли из подъезда и пошли вдоль дома. Павлов внимательно смотрел по сторонам – всё было чисто. Как будто все восставшие куда-то исчезли.

"Куда мы идём? Я думал, мы пойдём по домам, как и раньше. Если я правильно помню – там дальше садик только. Может Павлов хочет что-то показать?" – думал я на ходу.

Шли мы недолго. Мы шли в тот садик, о котором я подумал.

Ещё подходя, меня оттолкнул вид этого здания: серое, пустое, мёртвое. Поначалу оно казалось обычным, как будто в выходной день. Но потом всё больше были видны черты опустошения и заброшенности: разбитое окно на втором этаже, какая-то грязь на стенах, полуоткрытые калитки на входе во внутренний двор, которые качались, поскрипывая, на ветру.

Я вспомнил слова Павлова о том, что казалось, будто прошёл целый месяц с начала этого апокалипсиса.

Вид заброшенности придавал этим, когда-то весёлым и светлым местам, несвойственную мрачность. Мне стало жутко от этого, и я ближе подошёл к Павлову.

– Павлов, мы идём в этот садик? – спросил я.

Павлов кивнул.

– А зачем? – у меня немного подкашивались ноги, и неприятный холодок шёл по телу.

– Я хочу связаться с командованием – я же уже отвечал, – сказал Павлов.

– Я понимаю, но как? Почему оттуда?

– Я не могу сказать.

– Военная тайна?

– Вроде того.

Мы подошли к самым дверям. Павлов заглянул внутрь, но не зашёл.

– Разве это так важно? Ты посмотри вокруг – разве остался смысл от этих секретов? – при этих словах я повёл рукой в сторону, захватывая землю.

Павлов держал руку на входной ручке.

– Это имеет смысл для меня, – ответил он с тяжестью. – Но... ладно. Тебе я отвечу, но пообещай, что никому не расскажешь.

– А кому я могу рассказать? – усмехнулся я.

– Костя, – с силой сказал Павлов.

– Ладно.

– В городе есть несколько секретных линий для связи. Ещё с тех времён. Ну, ты понимаешь. Раньше на месте этого садика была администрация района. Её потом, при перестройке, перенесли через улицу в новое здание.

Павлов говорил тихо, почти шёпотом.

– И ты думаешь, она до сих пор работает? – спросил я.

– Не знаю, – пожал Павлов плечами. – Пока не попробуешь – не узнаешь.

И он вошёл внутрь. Я вошёл следом. Внутри было так же холодно, как и на улице, и стоял тяжёлый, немного тошнотворный, запах.

– Слушай... – начал он, медленно идя по коридору. Теперь он говорил ещё тише, чем на улице. – Я заметил, как ты не ладишь с Максимом... Я видел твои синяки.

Я не отвечал и почувствовал, как внутри меня что-то сжалось при этих словах.

– Я, конечно, понимаю, что ты не привык просить помощи, – продолжил он, – но... ты должен сам дать ему отпор. Понимаешь? – Павлов остановился посреди коридора и внимательно посмотрел на меня.

Я несколько секунд смотрел на него, не зная как ответить.

– Да... – выдавил я из себя. – Я понимаю, что должен ему дать отпор сам, потому что в будущем защитников у меня может и не быть. А таких Максимов может быть очень много.

– Да, и это тоже, – быстро проговорил Павлов. Он повернулся ко мне и присел. – Я ведь тоже не смогу вечно тебя защищать. Есть такие люди просто... Они трусы внутри, но их высокое эго даёт им такое сильное чувство уверенности в себе, что внешне они выглядят очень сильными людьми. Однако это просто обман, попытка скрыть свою натуру труса. При любой реальной опасности, эта их маска быстро испаряется и остаётся только трусость – вот тогда они "поджав хвосты" бегут, даже бросая друзей, понимаешь? И поэтому ты должен быстрее поставить его на место. Иначе можешь пострадать сам.

– Я это всё знаю, но... спасибо, – я решил попробовать дать отпор Максиму в следующий раз.

Павлов кивнул с улыбкой, и мы пошли дальше.

Конечно, слова Павлова не были откровением, но раньше я думал, что это глупые мысли. Я просто не думал, что у него есть слабости – он ведь всегда был окружён лучшими людьми, и с ним хотели дружить все, кому было так же наплевать на нравственность, как и ему самому. Таких людей я никогда не хотел понимать, потому что они просто противны. Но... теперь слова Павлова помогли мне осознать, что мои мысли были не просто глупыми мечтами. Я и раньше замечал эту трусоватость, но откидывал, не придавал виду.

Войдя в садик, я увидел то, что вызвало у меня сильную тоску. Никогда бы не подумал, что увижу детский сад в таком виде... На полу лежали почерневшие, разорванные игрушки. В стенах были видны следы от пуль. В проходе лежали кусочки деревянной мебели. Место было разграблено... Всего неделя, и такое...

– М-да, видимо помимо нас в этом районе есть ещё и мародёры... – сказал Павлов, осматривая следы от пуль. – Я уже видел пару раз такое, но подумал, что это просто следствия спешки. Или военная зачистка.

Павлов присел, поднял гильзу с пола и повертел в руках:

– Пистолетная... – сказал он задумчиво.

– Может, тогда не будем проверять это место? – спросил я осторожно. Мне не хотелось здесь находиться.

– Нет уж, раз пришли, то давай что-нибудь поищем, – сказал Павлов, вставая с корточек и отбрасывая гильзу. – Даже одеяла будут полезны – через день-другой мы снова отправимся в путь, а там только один Бог знает, что будет.

– Ладно, – я нехотя согласился.

Мы решили вместе осмотреть здание, чтобы подолгу не задерживаться.

У этого здания был один этаж, а в нём – три больших зала-комнаты (видимо здесь и играли не так давно дети), небольшой общий туалет и столовая. Всё это было на плане эвакуации, что висел у входа.

– Так, а где эта твоя линия должна быть? – спросил я, смотря на план. Павлов был в стороне от меня.

– Не знаю. Наверное, где-то у директора садика или вроде того, – пожал он плечами.

Я показал Павлову этот план, и мы решили пойти по очереди в каждый зал-комнату. И в самом конце – в столовую.

Первый зал был очень большим и в конце его, у самой стены, где были окна, я увидел кровати. Точнее, это раньше были кровати. Сейчас же – пустые железные каркасы.

– Часто по заброшкам лазил? – спросил Павлов.

– Никогда не любил заброшенные места, – мне физически было неприятно это видеть. В голове создавался неприятный контраст.

– Ну... Мне они тоже не особо нравились, – сказал Павлов, открывая шкафы у другой стены. – Видимо, здесь уже ничего нет. Пойдём дальше.

– Пошли.

В двух других залах тоже ничего не было, кроме кроватей, маленьких столов и шкафов. Кроме этого ещё висели пустые полки на тусклых стенах.

Выйдя из третьего зала, я услышал какие-то звуки из столовой. Я остановился и вслушался.

– Ты чего остановился? – Павлов остановился и вопросительно посмотрел на меня.

– Ты не слышишь что ли? – спросил я шёпотом.

– Что я не слышу? – Павлов тоже перешёл на шёпот.

В столовой кто-то мычал, что-то падало и шелестело.

– Звуки с кухни! Там кто-то мычит. Может, ранен?

Мне вдруг стало очень страшно. Я никогда раньше не видел раненных людей. Не считая восставших.

– Тебе не показалось? – лицо Павлова стало серьёзным.

– Нет. Я точно слышал.

– Хорошо. Стой здесь, а я проверю, – кивнул он и юркнул, пригнувшись, в проход.

Я не смог подавить любопытство и медленно пошёл за ним.

За проходом был большой зал, где хаотично стояли столы и повсюду разбросаны стулья. Некоторые столы были перевернуты, и в стене справа снова были дырки от пуль.

Павлов на корточках медленно, перебежками и пригнувшись, двигался к кухне. Когда он дошёл до коридорчика, который туда вёл, я быстро перебежал за один стол, потом за другой, чтобы посмотреть поближе.

"А вдруг ему понадобится помощь, а меня рядом не будет? Я должен быть на подстраховке", – подумал я про себя.

Добравшись до проёма, за которым были выходы к другим помещениям кухни, я, недолго думая, нырнул внутрь за Павловым.

Я осторожно, пригнувшись, стараясь не шуметь, шёл по коридору, держась за стены. В повороте слева, его не было. Здесь была мойка посуды с одной стороны и ряд больших раковин вдоль другой стены.

"Может здесь купали детей? Тарелкам же не нужны такие раковины, – подумал я про себя. – В посудомоечной машине моется посуда... Хм, но мыть детей в столовой? И меня тоже мыли в столовой, когда я был в садике? Да нет. Бред какой-то", – я пошёл дальше.

Я услышал звуки бьющейся посуды из следующего прохода, который был дальше по коридору. Я поднялся и побежал туда.

Войдя в проём, от увиденного меня как будто парализовало:

В этой небольшой комнатке стояли плиты и какие-то другие, мне не знакомые, приборы для готовки. Посреди комнаты на коленях стоял Павлов, спиной ко мне. А у стены, напротив него, были восставшие за небольшой оградой...

– О Боже, за что ты так со мной... – сказал Павлов надломленным голосом сквозь слёзы.

За оградой были дети. Совсем ещё маленькие дети, которые пожить ещё не успели, и тут их жизнь так оборвалась...

Меня начало качать из стороны в сторону, и я чуть не потерял сознание. Я опёрся на одну из стен и, прижимаясь спиной, сполз до самого пола.

В это время дети-восставшие, которым на вид было от трёх до пяти лет, с жадностью протягивали свои руки к Павлову. Они находились в некотором подобии загона и были ограждены от нас железной сеткой. Я заметил там около десяти детей и практически все были одеты минимально: кофточка, грязные трусики и почерневшие от грязи носки. У двоих я заметил шорты. У четырёх кроме трусов и носков не было ничего вообще. Среди них я заметил двух девочек... Будущие матери так и не смогли вырасти...

«Что... – подумал я. – Что за чёрт? Что происходит? Где их родители...?».

Я хотел кричать, но не мог пошевелиться.

"За что? Это ведь просто дети...", – я не мог успокоиться, слёзы шли не переставая. Я уже не мог концентрироваться на реальности и просто начал погружаться в свои мысли, но тут произошло то, чего я никак не мог ожидать.

Я услышал щелчок затвора у пистолета Павлова и посмотрел на него.

Павлов медленно встал, перекрестился и, со словами: "Да простит меня Бог за то, что я сейчас сделаю", выстрелил каждому ребёнку в голову.

Звуки выстрелов тогда мне казались самыми громкими и сильными звуками в моей жизни. Они разрывали мне голову. В конце концов боль стала настолько сильной, что я почувствовал щелчок в голове и всё резко оборвалось...

* * *

Я резко открыл глаза, вдыхая полной грудью. Ощущение было, как будто очнулся от столетнего сна. У меня болело всё тело.

Я решил привстать и осмотреться, но не смог: боль была слишком сильной. Каждое усилие отдавалось адской головной болью, и я не знал, куда деться от этой боли. Кажется, что эта боль распространялась не только на моё тело, но и окружала его, создавая ауру из боли.

Я лежал немного и решил пересилить себя. Я напряг все силы и, несмотря на боль, всё же смог её превазможить и встал.

Я лежал на столе посреди столовой и на улице уже сильно потемнело. Павлов стоял у окна недалеко от меня и курил.

Я решил встать и подойти к нему. В голове пронеслись образы того, что я видел до потери сознания.

«Ужас», – подумал я и глянул на проём, который вёл в ту комнату. Неприятный холодок прошёлся по спине.

Я свесил ноги со стола и слез, но из-за слабости и сильной боли по всему телу, я не смог устоять и упал, с шумом раскидав всё с соседнего стола и сильно ударившись головой об угол.

– Блять... – ругнулся я, потирая голову.

Павлов сразу подбежал ко мне и помог встать. Было очень тяжело и больно, но он кое-как посадил меня на табуретку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.